Г. И. ГЕОРГІЕВСКІЙ

РЕЛИГІОЗНЫЯ ИСКАНІЯ
Максима
Горькаго

ЦѢНА 30 коп.

Изданіе автора.

1909

Электро-Механическая Типографія К. К. Кибардина въ Пятигорскѣ.

Религіозныя исканія Максима Горькаго.

Однимъ изъ крупныхъ произведеній Горькаго является его „Исповѣдь“, помѣщенная въ 23 сборникѣ „Знанія“.

Горькій не избѣгъ участи лучшихъ русскихъ писателей вродѣ Гоголя, Достоевскаго и Толстого Л. Н.: его видимо, также не мало помучили религіозные вопросы. Въ „Исповѣди“ онъ и пытается нарисовать свою душевную борьбу вопросами вѣры, и знакомитъ насъ, насколько это возможно въ литературномъ произведеніи, со своей теперешней религіей.

Повѣсть написана въ формѣ автобіографіи. „Позвольте разсказать жизнь мою“, начинаетъ авторъ.

„Я крапивникъ, подкидышъ, незаконный человѣкъ; кѣмъ рожденъ неизвѣстно, а подброшенъ былъ въ экономію господина Лосева, въ селѣ Сокольемъ, красноглинскаго уѣзда“. До четырехъ лѣтъ прожилъ Матвѣй, такъ называетъ себя авторъ, у садовника Данилы, а потомъ его взялъ къ себѣ дьячекъ Ларіонъ, человѣкъ одинокій. Начатки религіознаго міровоззрѣнія въ Матвѣѣ были заложены этимъ дьячкомъ, Ларіонъ былъ „человѣкъ чудесный“ правда, любилъ выпить, но все же сохранилъ въ себѣ красивую чистую душу. Выпивши, дьячекъ любилъ пѣть ирмосы и тропари; особенно же увлекался пѣснопѣніями заупокойной литургіи. „Въ богослуженіи—самое красивое заупокойная литургія, гово-

рилъ Ларіонъ: „тутъ ласка человѣку есть, милость къ нему. У насъ кромѣ покойниковъ никого не умѣютъ жалѣть!“ Всѣхъ наставленій, которыя давалъ къ случаю Матвѣю Ларіонъ, авторъ не помнитъ, но все же передастъ довольно цѣнныя для характеристики религіознаго міровоззрѣнія Ларіона отрывки изъ его словъ. Эти мысли дьячка глубоко запали въ душу юнаго Матвѣя поэтому мы и приведемъ ихъ.

На вопросъ—почему Богъ людямъ мало помогаетъ—дьячекъ Ларіонъ отвѣчаетъ: „Не Его это дѣло! Самъ себѣ помогай, на то тебѣ разумъ данъ. Богъ для того, чтобы умирать не страшно было, а какъ жить—это твое дѣло!..“ На зло, на дьявола—Ларіонъ смотрѣлъ, какъ „на отраженіе духовной темноты“. „Богъ не понуждаетъ васъ, говорилъ дьячекъ въ спорѣ съ раскольниками“—на добро и на зло, самовластны вы созданы волею Его и свободно творите какъ злое, такъ доброе. Діаволъ же ваше—нужда и темнота! Доброе суть воистину человѣческое, ибо оно Божіе, злое же ваше— не діавольское, но скотское!“

Особенно теплыя чувства внушалъ Ларіонъ Матвѣю ко Христу, какъ «къ чистому и прекрасному въ его неизреченной любви къ народу».

На вопросъ: скоро ли опять Христосъ придетъ—Ларіонъ отвѣчалъ: «Скоро уже! Скоро—ибо слышно, что люди снова ищутъ его»!..

Ларіонъ представлялъ себѣ Бога «великимъ мастеромъ прекраснѣйшихъ вещей, а человѣка считалъ неумѣлымъ существомъ, запутавшимся на путяхъ земныхъ, и жалѣлъ его, безталаннаго наслѣдника великихъ богатствъ, Богомъ ему отказанныхъ на сей землѣ».

Къ религіознымъ суевѣріямъ народа Ларіонъ относился, какъ большой раціоналистъ, съ явнымъ пренебреженіемъ. Онъ очень горячо, напримѣръ, возмущался выходкой священника и земскаго своего села, которые вводили въ обманъ народъ, от-

крывъ изъ корыстныхъ цѣлей чудотворный образъ „Неопалимой купины“, (смѣшавъ, так. образомъ, факты ветхозавѣтной исторіи съ исторіей новаго завѣта).

По смерти Ларіона Матвѣй попадаетъ въ контору имѣнія Лосева, подъ начало управляющаго Титова. Внѣшнее положеніе Матвѣя улучшается, но за то въ душѣ его стало какъ то сумрачнѣе.

„Въ ту пору и началъ я трудную жизнь мою—Бога полюбилъ“, такъ характеризуетъ Матвѣй свое тогдашнее положеніе. Вполнѣ естественно въ юношѣ, когда онъ доходитъ до преддверія сознательной жизни —религіозное настроеніе: разсудокъ не поспѣваетъ за развитіемъ сердца и юноша ищетъ успокоенія въ красотахъ религіозной жизни. Ревностно полюбилъ Матвѣй все церковное: со всѣмъ жаромъ сердца ребячьяго окунулся въ него, такъ что, все священно стало для него: не только иконы да книги, а и подсвѣчники, и кадило, самые угли въ немъ— и тѣ дороги стали ему.

Началъ и книги читать церковныя, вродѣ Пролога или Минеи.

Особенно нравились ему тѣ святые мученики, кои боролись за Господа, жизнью и смертью знаменуя силу Его. Въ то время одно смущало Матвѣя—это необходимость признанія Сатаны для объясненія зла, тогда какъ это, по пониманію Матвѣя, унижало величіе Божіе, и Матвѣй не вѣрилъ въ Сатану и не боялся его.

Житіи же святыхъ заставляли принять Сатану, ибо безъ него дѣлалось непонятнымъ паденіе человѣка. „Но какъ же такъ“, думалъ, Матвѣй: вѣдь Богъ единый творецъ міра и творецъ всесильный и непобѣдимый, откуда же тогда еще другой творецъ—Сатана?!

Но въ Матвѣѣ настолько тогда было сильно религіозное чувство, что онъ на время заглушилъ съ себѣ голосъ разсудка и кое-какъ примирился съ существованіемъ двухъ творцовъ въ

мірѣ: Бога—Создателя красивой стороны жизни, и Сатаны —создателя всего некрасиваго. Много переносилъ въ то время Матвѣй насмѣшекъ со стороны окружающихъ его людей за свою церковность. Особенно донималъ его Савелька Мигунъ, который даже пѣсню про него сочинилъ довольно неприличнаго содержанія, говоря между прочимъ, что его подкидыша, баре кормятъ не даромъ, а „сажаютъ въ конторѣ на мужицкое горѣ“.

Вскорѣ Матвѣй самъ понялъ, за что такъ ядовито издѣвался надъ нимъ Мигунъ. Онъ сообразилъ, что дѣйствительно странно его положеніе: съ его церковностью трудно было согласовать его службу въ конторѣ, гдѣ происходилъ явный грабежъ мужиковъ. Правда, Матвѣй при этомъ себя старался оправдать въ своихъ глазахъ, говоря, что „Вѣдь не я грабежъ выдумалъ“, но все таки онъ уже не могъ остаться спокойнымъ и сталъ глубоко ненавидѣть Титова, и не боялся ему выражать это.

Но уйти отъ Титова онъ все таки не могъ, ибо былъ влюбленъ въ его дочь Ольгу и мечталъ о женидьбѣ на ней.

Когда это намѣреніе его стало извѣстно Титову, то послѣдній рѣшилъ склонить его на свой путь жизни, видя въ немъ завиднаго трудолюбимаго зятя. Титовъ сталъ ему внушать, что для того, чтобы сытно жить, онъ долженъ научиться „дѣла дѣлать“, долженъ накопить себѣ деньги и откупиться отъ солдатчины.

Въ словахъ Титова было большое искушеніе для Матвѣя: надо было выбрать одно изъ двухъ: или благо земныя или трудный подвигъ исканія небесныхъ благъ.

„Помоги мнѣ“, молился тогда Матвѣй Богу: научи мя, да не потеряю путей Твоихъ и да не угрязнетъ душа моя во грѣхѣ! Силенъ Ты и многомилостивъ, сохрани же раба Твоего отъ зла и одари крѣпостью въ борьбѣ съ искушеніемъ, да не буду попранъ хитростью врага и да не усумнюсь въ силѣ любви Твоей къ рабу Твоему!“

Но помощь Божія не приходила и Матвѣй сталъ жить грѣшно.

„Начали мы съ Титовымъ: говоритъ Матвѣй. грабить народъ, словно въ шашки играемъ".

Сталъ онъ тогда упрекать Бога:

„Почто, молъ. не поддержишь силою Твоею паденіе мое. почто возложилъ на меня испытаніе не по разуму мнѣ, или не видишь, Господи, погибаетъ душа моя?" Всякія недорозумѣнія стали происходить съ этого времени у Матвѣя съ его Богомъ. Матвѣй сталъ роптать на Бога и вступилъ съ нимъ въ борьбу.

Вотъ, напримѣръ, съ какими словами обращался Матвѣй къ Богу, когда сгорѣлъ только что остроенный для него Титовымъ домъ: „Хочешь ли ты указать, что ради праха и золы погубилъ я душу мою, этого ли хочешь?

...Ты виноватъ, а не я!... Коли Ты силенъ, то и я—силенъ, такъ должно быть по справедливости!"

Снова послѣ этого началось воровство; былъ обстроенъ новый домъ, Матвѣй женился на дочери Титовой, имѣлъ отъ нея сына, но все же счастье его продолжалось недолго. Во время вторыхъ родовъ умерла жена у Матвѣя. Послѣ этого удара судьбы онъ окончательно усомнился въ милосердіи Бога. Матвѣй не оправдывалъ свою грѣховную жизнь, но онъ не находилъ достойнымъ Бога-- карать его за такую жизнь, ибо въ его грѣхахъ, по его представленію, отчасти виновенъ и Богъ, Который допустилъ его до паденія.

Невыносима стала для Матвѣя его душевная драма, и онъ пошелъ за разъясненіемъ своихъ сомнѣній къ попу своего села. Но попъ оказался плохимъ духовникомъ, онъ больше интересовался доходами отъ своей паствы, чѣмъ ихъ душевными запросами. Попъ предложилъ Матвѣю для успокоенія его совѣсти заказать сорокоустъ, другого утѣшенія онъ не могъ предложить ему.

Тогда Матвѣй отправился въ городъ, къ извѣстному тамъ своей благочестивой жизнью и ученостью протопопу. Протопопъ оказался чиновникомъ съ канцеляріей, такъ что посѣтителямъ приходилось имѣть дѣло прежде всего съ секретаремъ его. Секретарь запросилъ было съ Матвѣя три рубля за пропускъ къ протопопу, но потомъ смягчился и провелъ Матвѣя къ своему господину. „Съ чѣмъ пришелъ?“ спросилъ протопопъ. „Смутился, молъ, душой я, батюшка“. А секретарь, стоя сзади шепчетъ: „Говори: ваше преподобіе!“ Матвѣй сталъ просить, чтобы секретарь ушелъ и не мѣшалъ ему излить свою душу.

Просьба его была уважена и оставшись съ протопопомъ, онъ сказалъ ему, что сомнѣвается въ *милосердіи* Господа. Не успѣлъ онъ высказать своихъ мыслей, какъ протопопъ накинулся на него: „Что? Что-о такое, а? Ахъ ты, дубина!..“ Встань, встань! На колѣни долженъ пасть предо мной, окаянный.

Наговорилъ ему протопопъ кучу комплиментовъ, обозвавъ его и „безумнымъ животнымъ“, еретикомъ, и посланникомъ дьявола и заблудшей собакой: началъ онъ угрожать ему гнѣвомъ Божіимъ и местью Его. Говоритъ тогда Матвѣй протопопу: „Сами вы въ ересь впадаете, — развѣ это христіанскій Богъ? Куда же вы Христа прячете? На что вмѣсто друга и помощника людямъ только судію надъ ними ставите?“

„Тутъ онъ меня—пишетъ Матвѣй, за волосы ухватилъ, дергаетъ и шепчетъ, всхлипывая“: Проклятый, ты кто такой, кто? Тебя надо въ полицію представить, въ острогъ, въ монастырь, въ Сибирь.., Тогда я опомнился. Ясно, что коли человѣкъ полицію зоветъ Бога своего поддержать, то стало быть, ни самъ онъ, ни Богъ его никакой силы не имѣютъ, а тѣмъ паче— красоты... Славѣ Божіей—говорю ему служатъ ангелы, а не полиція, но ежели вы иначе вѣруете—поступайте по нашей вѣрѣ. .

„Выталкали Матвѣя на улицу и онъ побрелъ разслабленно по улицѣ города. Такъ своеобразно отнесся къ жаждущей прав-

ды душѣ чиновникъ-протопопъ, который только и могъ сдѣлать", что пугалъ чернымъ богомъ и въ помощь своему богу звалъ полицію.

Далѣе Матвѣй за поискомъ милосердаго Бога попадаетъ въ женскій монастырь къ отшельницѣ старушкѣ Февроніи. Матерь Февронія только и могла порекомендовать, что не ѣсть яблочко до Спасова дня, почитать родителей, (которыхъ Матвѣй не зналъ) и вѣрить въ доброту и щедроту Бога. Конечно, такое пониманіе Бога въ видѣ добренькаго и миленькаго барина не могло удовлетворить Матвѣя. Поклонился онъ старушенкѣ, ушелъ и думаетъ про себя: „Вотъ разобрали люди Бога по частямъ, каждый по нуждѣ своей: у одного Онъ—добренькій, у другого—страшный, попы Его въ работники наняли себѣ и кадильнымъ дымомъ платятъ Ему за то, что онъ сытно кормитъ ихъ. Только Ларіонъ необъятнаго Бога имѣлъ".

Тогда рѣшаетъ Матвѣй уйти въ монастырь, гдѣ уставъ построже—поживу-ка одинъ, рѣшаетъ онъ, въ кельѣ, подумаю, книгъ почитаю... Не соберу ли въ одиночествѣ разрушенную душу мою въ крѣпкую силу?

Поступаетъ онъ въ Савватѣвскую пустынь. Его назначили послушникомъ въ пекарню подъ начальство монаха Михаила. Новый начальникъ Матвѣя оказался человѣкомъ грубымъ и потому не церемонился со своимъ послушникомъ.

Онъ, напримѣръ, заставилъ его снять штаны и грязными ногами мѣсить тѣсто, а когда вспотѣвшій Матвѣй сталъ просить тряпку потъ вытерѣть, то онъ заоралъ на него: мѣшкомъ отирайся, коли брезгливъ: А о дерзости твоей я игумену доложу! Особенно скверно отзывался Михаилъ о женщинахъ, считая ихъ виновницами проклятія міра. „Потому и принялъ Христосъ крестную смерть, поучалъ монаховъ": что женщиной былъ рожденъ, а не свято и чисто съ небесъ сошелъ, да и во дни жизни своей мирволилъ имъ, поскудамъ этимъ, бабенкамъ. Ему бы

самарянку-то въ колодецъ кинуть, а не разговаривать съ ней, и распутницу эту камнемъ въ лобъ, —вотъ, глядишь, и спасенъ міръ! »На замѣчаніе Матвѣя, что это вѣдь не церковная мысль, монахъ напустился критиковать современную церковь, называя ея законы изобрѣтеніями блудниковъ, еретиковъ и щеголей (бѣлаго духовенства). Тѣсно и тяжело становилось Матвѣю въ пылу его словъ: никакъ не соглашался монахъ съ тѣмъ, что бракъ есть установленіе Божіе. Трудно было его убѣдить въ этомъ на основаніи священнаго писанія, такъ какъ писаніе—пестрый лугъ цвѣтовъ: хочешь—красныхъ, есть красные, бѣлыхъ хочешь—и они цвѣтутъ, такъ что Михаилъ тоже приводилъ тексты для подтвержденія своихъ изуродованныхъ мыслей.—Не найдя ничего душеспасительнаго въ общеніи съ такимъ субъектомъ, какъ Михаилъ, который ко всему прочему страдалъ еще грѣхомъ онанія, Матвѣй рѣшился побесѣдовать съ о. игуменомъ. Но и игуменъ не удовлетворилъ его, вся философія игумена заключалась въ шаблонной проповѣди смиренія, рабскаго послушанія и слѣпой вѣры. Разсужденія о вѣрѣ онъ считалъ—грѣхомъ и поэтому, не давши Матвѣю даже возможности высказаться—поспѣшилъ наложить на него эпитимію: по окончаніи дневного труда въ лѣвомъ придѣлѣ передъ распятіемъ читать трижды въ ночь и десять ночей акаѳистъ Іисусу; далѣе ему назначилъ бесѣды со схимонахомъ Мардаріемъ.

Не понравились Матвѣю рѣчи игумена, онъ не согласился съ тѣмъ положеніемъ, что нужно сдѣлаться бараномъ, чтобы достичь праведности; не понравилась и вся вообще обстановка монастырской жизни, гдѣ монахи жили распутно и въ разныхъ видахъ обиралы невѣжественныхъ богомольцевъ. И вереги схимонаха Іосифа, и его скуфейка, и ключъ студеный, и образъ Успенія и схимонахъ Мардарій—были лишь доходными статьями для монастыря. Тяжелы страницы, гдѣ Матвѣй передаетъ свое впечатлѣніе о схимонахѣ Мардаріи, котораго монахи живымъ

закопали въ могилу, моря его голодомъ. Схимонахъ медленно умиралъ здѣсь, доходя до галлюцинаціи. „Плакать я готовъ былъ, пишетъ Матвѣй: зачѣмъ старикъ этотъ? какая красота въ подвигѣ его“?

Съ разными типами монаховъ встрѣтился здѣсь Матвѣй и чѣмъ больше онъ изучалъ ихъ жизнь, тѣмъ невыносимѣе ему становилось въ монастырѣ, ибо онъ не находилъ самаго главнаго, чего искалъ въ монастырѣ—это обстановки для сосредоточиванія своего вниманія на вопросахъ совѣсти человѣка. Въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ согласиться съ развратникомъ монахомъ Антоніемъ, который далъ такое опредѣленіе понятію монахъ: „Монахъ—это человѣкъ, который хочетъ спрятать отъ людей мерзость свою, боясь силы ея. Или же человѣкъ, удрученный слабостью своей и въ страхѣ бѣгущій міра, дабы міръ не пожралъ его. Это суть лучшіе монахи, интереснѣйшіе, всѣ же другіе—просто безпріютные люди, прахъ земли, мертворожденныя дѣти ея“. Противно стало Матвѣю въ монастырѣ и онъ ушелъ оттуда. Переѣхавши черезъ озеро, сѣлъ Матвѣй на берегу и сталъ смотрѣть на монастырь, гдѣ провелъ за поискомъ живого милосердаго Бога слишкомъ два года, таща трудовую лямку. Красива была картина монастыря среди роскошной природы. Въ этой красотѣ, волнующей душу восторгомъ живымъ, спрятались черные люди въ длинныхъ одеждахъ и гніютъ тамъ, проживая пустые дни, безъ любви, безъ радостей, въ безсмысленномъ трудѣ и въ грязи“. Жалко стало ему всѣхъ и себя тоже—едва не заплакалъ. Всталъ и пошелъ бродить по святымъ мѣстамъ вмѣстѣ съ другими одинокими, ищущими душевнаго успокоенія.

Шесть лѣтъ пространствовалъ Матвѣй по разнымъ святымъ мѣстамъ. Много онъ видѣлъ людей такихъ же, какъ онъ—ищущихъ Бога и незнающихъ уже, куда итти. Люди эти разсѣяли душу свою на путяхъ исканій правды, и уже ходятъ только потому, что не имѣютъ силъ остановить себя: „носятся, какъ

перья луковицъ по вѣтру, легкіе и безполезные". Всѣ они казались Матвѣю озлобленными, всюду они видѣли зло и несчастье на землѣ; кружились же они около мощей, чудотворныхъ иконъ и купались въ источникахъ —съ единственною цѣлью забыться. „Подбираютъ рѣчи блаженныхъ монаховъ, прорицанія отшельниковъ и схимниковъ, дѣлятся ими другъ съ другомъ, какъ дѣти черепками битой посуды въ играхъ своихъ", Эти люди представлялись Матвѣю „обломками разрушенной жизни, грязной пылью, которая сметается разными вѣтрами къ папертямъ церквей".

Неудовлетворило Матвѣя общеніе съ этими людьми и онъ рѣшилъ сходить въ Сибирь, ибо ему очень хвалили этотъ край. По дорогѣ въ Сибирь остановилъ Матвѣя человѣкъ, на всю жизнь окрылившій душу его, указавъ ему вѣрный путь къ Богу.

Человѣкъ этотъ оказался разстриженнымъ попомъ, просидѣвшимъ въ Суздаль-монастырѣ шесть лѣтъ за свои проповѣди, которыя „не ко двору приходились", называлъ онъ себя Іегудіиломъ. Іегудіилъ былъ странствующимъ проповѣдникомъ новой религіи и онъ былъ, конечно, радъ, встрѣтивъ распаханную ниву, для засѣва своихъ сѣмянъ. Матвѣй, передалъ новому знакомому исторію своихъ душевныхъ тревогъ и сталъ ждать отвѣта на волнующіе его вопросы.

Устами Іегудіила М. Горькій приблизительно такъ излагаетъ свое вѣропониманіе. „Вѣра есть великое создающее чувство. Оно родится отъ избытка въ человѣкѣ жизненной силы, и побуждаетъ человѣка къ дѣянію. Эта сила и есть Богъ. Богъ, слѣдовательно живетъ только внутри людей. Но часть людей—рабы плѣннаго стремленія ко власти надъ другими людьми и надъ всею землею—извлекли Бога извнутри человѣка въ испугѣ передъ вопросами духа его и поставили Его начальникомъ надъ людьми, желая этимъ умѣрить гордость людей, которая всегда протестуетъ противъ ограниченія воли человѣка. Сила въ человѣкѣ

(Богъ) так. образомъ была обращена въ слабость, и былъ задержанъ вслѣдствіе этого, ростъ духа человѣческаго: Богъ, существующій внѣ человѣка, сталъ „врагомъ людей, судіей и господиномъ земли“. Пока Богъ былъ живымъ воплощеніемъ воли народа, его творческой силой, до тѣхъ поръ Его воля во всемъ совподала съ волей носителя Его—народа, когда же Онъ былъ оторванъ отъ народнаго духа, то Онъ сталъ въ противорѣчіе съ волей народа. „Богостроитель—говорилъ Іегудіилъ“: эта народушка! Неисчислимый міровой народъ! Великомученикъ велій, чѣмъ всѣ, церковью прославленные—сей бо есть Богъ, творяй чудеса! народушко безсмертный, его же духу вѣрую, его силу исповѣдую: онъ есть отецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ!“ Содержаніе понятія „Богъ“, так. обр., ставится въ связь съ развитіемъ человѣка. Было время, когда предметы были божествами для человѣка, послѣ подъ богомъ человѣкъ сталъ понимать уже не предметъ, а грозную силу въ предметѣ, далѣе богъ принимаетъ образъ человѣка, съ выдающимися душевными качествами и наконецъ онъ является уже въ пониманіи умственно развитыхъ людей — духовнымъ понятіемъ, состоящимъ изъ суммы всѣхъ, доступныхъ нашему пониманію, идеальныхъ качествъ. Такъ какъ ставить предѣлы развитію человѣка нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній, то, слѣдовательно, и боги человѣка будутъ вѣчно мѣняться по своимъ качествамъ. Въ этомъ смыслѣ и называется Іегудіиломъ народъ отцомъ вѣхъ боговъ—бывшихъ и *будущихъ*.

Но такимъ творчествомъ можетъ обладать лишь объединенный народъ: „вотъ просыпается воля народа, соединяется великое насильно разобщенное: уже многіе ищутъ возможности, какъ слить силы земные въ единую, изъ нея же образуется свѣтелъ и прекраснъ всеобъемлющій Богъ земли“!

Матвѣй не могъ понять, какъ это можетъ вшивый, всегда пьяный, битый и поротый народъ въ лаптяхъ быть боготворцемъ, и выразилъ Іегудіилу это свое сомнѣніе. Тогда Іегудіилъ сталъ

ему приводитъ историческія доказательства въ пользу своего мнѣнія и пришелъ къ тому выводу, что „все, что есть на землѣ и въ памяти нашей, все создано народомъ“; Іегудіилъ сдѣлалъ экскурсію при этомъ не только въ исторію всего человѣчества, но въ частности и въ исторію Руси.

Дошелъ Іегудіилъ до распада Кіевской Руси и спрашиваетъ, „Слышалъ? ну, такъ знай теперь; такихъ богатырей не было: это народъ свои подвиги въ лицахъ воплощалъ, такъ запоминалъ онъ великую работу построенія русской земли“!

Исторію созданія народомъ бога Іегудіилъ такъ разъясняетъ.

Было время, когда народъ выбиралъ изъ своей среды вожаковъ и имъ вручалъ всю свою судьбу. Вожаки эти на плечахъ народа иногда достигали высокаго развитія, но о народѣ, ихъ поднявшемъ, они забывали и развращались сознаніемъ своего превосходства. Народъ тогда понялъ, что ему нельзя жить чужимъ умомъ и, поставилъ себѣ задачей „всѣмъ подняться къ высотѣ, каждому своими глазами осмотрѣть пути жизни: *день сознанія народомъ необходимости равенства людей и былъ днемъ рождества Христова*“. Появленіе Христа, такъ. обр., объясняется историческими обстоятельствами. Христосъ по Іегудіилу является лишь выразителемъ чаяній и мыслей людей своего времени; Его ученіе явилось связнымъ изложеніемъ тѣхъ мыслей, которыя родилъ въ себѣ народъ, почему и называетъ Христа Іегудіилъ „любезнымъ дитятей народа“.

Матвѣю не совсѣмъ ясны были эти мысли и онъ это передалъ своему проповѣднику, который посовѣтывалъ ему пойти на заводъ и тамъ поучиться.

Заводскіе рабочіе продолжили дѣло начатое Іегудіиломъ, они стали объяснять религію своего класса, какъ развили ее идеологи задачъ пролетаріата.

Все зло въ жизни происходитъ отъ того, внушалъ Матвѣю одинъ изъ рабочихъ, что человѣкъ оторванъ отъ цѣлаго,

отъ матери своей— народа и хочетъ на своей волѣ основать свою жизнь. Оторвавшись отъ народа, человѣкъ всѣ силы своего духа безполезно убиваетъ на дѣло самозащиты.

Нищій же духомъ, человѣкъ безсиленъ и въ творчествѣ: *только живя единой жизнью съ народомъ, человѣкъ получитъ необходимую свободу росту своего духа*, и тогда каждая личность освѣтитъ всю жизнь внутри и внѣ себя—„прекраснымъ огнемъ юной дерзости духа своего, великой красотой непрерывнаго дѣянія!“ Храмомъ живого Бога можетъ быть только душа объединеннаго народа. „Когда же народъ разбивается на рабовъ и владыкъ, на части и куски, разрывается на части и народный духъ и воля его, и тогда Богъ погибаетъ.

Но будетъ время, пророчествуетъ Михаило: вся воля народа вновь сольется въ одной точкѣ: тогда въ ней должна возникнуть необоримая и чудесная сила, и—воскреснетъ Богъ! Опъто и есть тотъ, добавилъ Михаило, котораго вы, Матвѣй, ищете!“

Но прежде чѣмъ народъ сдѣлается такимъ богоносцемъ, онъ долженъ еще освободиться изъ плѣна жадности, разрушить тѣ жизненныя препятствія, которыя мѣшаютъ ему объединиться въ единое цѣлое, превращая его жизнь въ тюрьму.

„Прежде всего мы должны узнать силу ближайшаго врага, говорилъ Михаило: „изучить его хитрости; для этого необходимо намъ найти другъ-друга, открыть въ каждомъ единое со всѣми, и это единое—наша неодолимая, скажу—чудотворная, сила! У рабовъ никогда не было Бога, они обоготворяли человѣческій законъ, извнѣ внушенный имъ, и во вѣки не будетъ Бога у рабовъ, *ибо Онъ возникаетъ въ пламени сладкаго сознанія духовнаго родства каждаго со всѣми!* Не изъ дресвы и обломковъ строятся храмы, но изъ крѣпкихъ цѣльныхъ камней. Одиночество—суть отломленность твоя отъ родного цѣлаго, знакъ безсилія духа и слѣпоты его; въ цѣломъ ты найдешь

безсмертіе, въ одиночествѣ же—неизбѣжное рабство тьмы, безутѣшная тоска и смерть."

Тогда Матвѣй сталъ просить, чтобы и его приняли рабочіе завода въ свою среду, дабы и ему принять участіе въ разрушеніи „ада на землѣ". Но рабочіе ему объяснили, что ему пока рано вступить въ ихъ среду, такъ какъ „еще не возникло въ его духѣ сознаніе связи его съ духомъ рабочаго народа". Они посовѣтовали ему снова тронуться въ путь, чтобы новыми глазами видѣть жизнь народа. Совѣтъ былъ очень разумный, такъ какъ Матвѣй все равно не понялъ бы, какъ народъ можетъ творить бога: въ этой мысли его могли убѣдить лишь факты жизни, а не разсужденія. И вотъ онъ опять отправляется наблюдать жизнь людей.

Первый разъ Матвѣй убѣдился въ какую-то таинственную силу, исходящую отъ народа, будучи на ярмаркѣ въ Омскѣ. Здѣсь Матвѣю пришлось говорить рѣчь народу по поводу пѣсни одного слѣпого. Пѣсня вдохновила Матвѣя и онъ произнесъ предъ толпой нѣсколько словъ въ поясненіе этой пѣсни. Толпа съ вниманіемъ слушала его, и Матвѣй замѣтилъ, какъ ихъ вниманіе давало силу его словамъ, какъ онъ укрѣплялся при этомъ на землѣ и въ людяхъ, *толпа, какъ бы подняла его надъ собою.*

Въ другой разъ ему пришлось держать рѣчь передъ хохлами переселенцами въ той же Сибири. Онъ говорилъ имъ о томъ, какъ они—истинные хозяева земли—вдругъ сдѣлались жалкими искателями клочка земли. Рѣчь эта опять захватила и слушателей и самого оратора. Матвѣй замѣтилъ, какъ изъ глазъ, объединенной однимъ настроеніемъ, толпы истекала лучистая сила, которая насыщала его и возносила выше ихъ. И только въ эту минуту Матвѣй чувствовалъ себя какимъ-то новымъ крѣпкимъ силою: стоило этимъ людямъ розойтись, какъ отходила и отъ него новая сила и онъ дѣлался такимъ же, какъ всегда—равнымъ каждому!

„Такъ началъ, говоритъ Матвѣй: я скромный свой благовѣстъ, призывая людей къ новой службѣ, во имя новой жизни, но еще не зная Бога новаго моего“.

Въ Казанской губерніи, въ седьміозерной пустыни завершилось строеніе духовнаго храма Матвѣя. Здѣсь ему пришлось присутствовать при крестномъ ходѣ, когда тысячная толпа богомольцевъ силою своего взгляда исцѣлила искалѣченную болѣзнью дѣвушку. „Было великое возбужденіе, пишетъ Матвѣй: толкали телѣжку, и голова дѣвицы немощно безсильно качалась; большіе глаза ея смотрѣли со страхомъ. Десятки очей обливали больную лучами, на разслабленномъ тѣлѣ ея скрестились сотни силъ, вызванныхъ къ жизни повелительнымъ желаніемъ видѣть больную возставшей съ одра. Я тоже смотрѣлъ въ глубину ея взгляда и невыразимо хотѣлось мнѣ вмѣстѣ со всѣми, чтобы встала она, не себя ради и не для нея, но для чего то иного, предъ чѣмъ и она и я только перья птицы въ огнѣ пожара.

Какъ дождь землю влагою живой, насыщалъ народъ изсохшее тѣло дѣвицы этой силою своей, шепталъ онъ и кричалъ мнѣ и ей.

— Ты встань, милая, вставай! Подними руки — ты, не бойся! Ты вставай безъ страха! Болѣзная, болѣзная! Милая! Подними руки-то! Больная покорно подняла дрожащія руки и послушно протянула ихъ впередъ, и пошла съ толпой сама“.

Матвѣй понялъ, что это *вѣра народа во власть свою сотворила чудо.*

Ночью сидѣлъ онъ въ лѣсу надъ озеромъ, снова одинъ, но уже навсегда и неразрывно связанный душою съ народомъ — владыкой и чудотворцемъ земли.

„Нѣтъ у меня словъ, пишетъ Матвѣй, чтобы передать восторгъ этой ночи, когда одинъ во тьмѣ и обнялъ всю землю любовью моею, всталъ на вершину пережитаго мной и увидѣлъ міръ подобнымъ огненному потоку живыхъ силъ, бурно текущихъ

къ сліянію во единую, цѣль которой—недоступна мнѣ"

Матвѣй, такимъ образомъ, увѣровалъ въ чудотворную силу народа, *который когда объединенъ однимъ настроеніемъ, то можетъ обладать всѣми тѣми качествами или свойствами, которыми вѣрующіе надѣляютъ свою божество.* Объединенный народъ и является, по Матвѣю творцемъ всѣхъ красотъ въ мірѣ, въ томъ числѣ и всѣхъ всѣхъ боговъ, идеаловъ, которымъ поклонялся человѣкъ въ разныя времена подъ разными наименованіями.

Велико благоговѣніе Матвѣя передъ силою объединеннаго народа; онъ приходитъ въ восторгъ отъ предчувствія великихъ красотъ, кои будутъ сотворены! „Ибо какъ говорилъ студентъ Владыкинъ, пріятель Матвѣя: если даже въ такой суетной и грязной жизни, ничтожными силами единицъ уже создана столь велія красота (церковная музыка), что же будетъ содѣяно на землѣ, когда весь духовно-освобожденный міръ начнетъ выражать горѣніе своей великой души въ псалмахъ и музыкѣ?"

Заманчивая картина жизни рисуется передъ мысленными взорами Матвѣя и онъ окончательно вступаетъ въ ряды тѣхъ рабочихъ, которые поставили себѣ цѣлью освобождать души своихъ ближнихъ изъ плѣна тьмы и суевѣрій, собираютъ народъ воедино, освѣщаютъ ему его задачи жизни, указываютъ тотъ единственный путь, который приводитъ народъ къ богостроительству.

Въ этой вѣрѣ въ чудную силу объединеннаго народа, который низведетъ всѣхъ боговъ на землю и создастъ свободную красивую, счастливую жизнь—заключается религія Матвѣя— Горькаго. Религію эту короче можно назвать „культомъ народа".

Религіозное міропониманіе М. Горькаго нельзя назвать христіанскимъ потому, что онъ отрицаетъ существованіе Личнаго Бога. Богъ, по христіанскому понятію, Существо личное и отдѣльное отъ міра; Онъ создалъ міръ, Онъ промышляетъ о мірѣ,

Онъ и судія міра. По этому съ точки зрѣнія христіанскаго міропониманія религія Горькаго неправильна. Неубѣдительна религіозная проповѣдь Горькаго и для раціоналиста, такъ какъ способъ доказательства бытія Бога въ человѣкѣ у Горькаго черезчуръ поверхностный. Въ данномъ случаѣ М. Горькій опять раздѣляетъ участь русскихъ писателей—философовъ: всѣ они, начиная отъ Гоголя, Достоевскаго до Л. Н. Толстого включительно—велики лишь, какъ художники слова, философія же ихъ недалеко ушла отъ философіи средняго искателя смысла жизни.

Мы вполнѣ вѣримъ искренности и цѣнимъ высоко религіозныя исканія М. Горькаго. Въ этихъ исканіяхъ сказывается серьезное направленіе ума писателя, который не просто вычеркнулъ вопросы религіи, а оцѣнилъ все ихъ жизненное значеніе. Для современнаго писателя и это великая заслуга, такъ какъ наша молодая беллетристика, за немногими исключеніями, избѣгаетъ вопросовъ философскаго характера. М. Горькій прежде чѣмъ высказать свой взглядъ на религію пускается въ критику взглядовъ на этотъ предметъ другихъ лицъ, которыхъ онъ, по своей близорукости или преднамѣренно, принимаетъ за представителей христіанъ.

Опровергая убѣжденія противныя своимъ, М. Горькому выгоднѣе излагать свои взгляды. Но М. Горькій допускаетъ непростительную ошибку, смѣшивая религіозное міровоззрѣніе отдѣльныхъ личностей съ сущностью той религіи, которую стараются исповѣдывать эти личности. Тутъ происходитъ крупная логическая ошибка, извѣстная подъ именемъ подмѣны тезиса (ignoratio elenchi).

Отъ того, что тотъ или иной послѣдователь христіанскаго ученія заблуждается, еще не слѣдуетъ, что и само ученіе христіанское непослѣдовательно. Глубокое ученіе Христа разными людьми понимается различно, ибо для пониманія чего нибудь требуется извѣстное умственное развитіе и развитіе духа вообще, а коль

скоро духовное развитіе людей различно, различно и ихъ пониманіе такого высокаго ученія, какъ ученіе Христа. Вѣдь даже приближенные Христа, Его апостолы до послѣднихъ дней земной жизни своего учителя не понимали сущности Его ученія, принимая Христа за какого-то земного владыки, который имъ долженъ былъ, по ихъ понятію, надавать важные государственные посты.

Ни одинъ защитникъ христіанства, понятно, не станетъ выдавать религіозное міропониманіе выводимыхъ въ „Исповѣди" Горькаго лицъ за истинное христіанское: не только простецы, но лица духовнаго званія въ повѣсти далеки отъ пониманія сущности Христова ученія. Но не христіанство повинно въ томъ, что среди современнаго духовенства есть лица недостойныя своего званія, поэтому если М. Горькій интересовался христіанскимъ ученіемъ, то долженъ былъ принять во вниманіе, что христіанство есть прежде всего *жизнь*, а не только *ученіе*, и красоты жизни по Христу понятны лишь близкимъ по своему настроенію этой жизни. Психологія христіанина обрисована Христомъ въ заповѣдяхъ блаженства. И сельскій попъ и протопопъ и вся монашествующая братія въ повѣсти чужды этой психологіи истиннаго послѣдователя Христа. Но если даже понимать ученіе Христа, какъ только извѣстное философское міропониманіе, то и тогда не слѣдовало бы М. Горькому обращаться къ невѣжественнымъ представителямъ духовенства: въ твореніяхъ св. отцовъ церкви можно найти и философское обоснованіе ученію Христа. Поэтому критику христіанскаго ученія М. Горькаго мы называемъ слабой и мало заслуживающей вниманія послѣ такихъ попытокъ критики Льва Толстого и Ницше.

Цѣннѣе разсужденія Горькаго о происхожденіи зла въ мірѣ; этотъ пунктъ, дѣйствительно, самый серьезный и непонятный во всѣхъ религіяхъ: откуда зло въ мірѣ, если міръ созданъ Всемогущимъ и Всеблагимъ Богомъ? Отвѣты догматики разныхъ

религій на этотъ вопросъ непонятны, какъ и всѣ вообще догматы, разуму человѣка, требующія для своего признанія вѣры: невѣрующему же такъ и останутся эти вопросы „проклятыми" и неразрѣшимыми.

Попытка Горькаго объяснить бытіе Бога въ человѣкѣ, такъ и осталась попыткой, ибо такой путь, который избралъ Горькій для объясненія этого факта, давно признанъ въ философіи негоднымъ. Всѣ, такъ называемыя „доказательства бытія Божіяго", приводимыя даже въ нашихъ учебникахъ среднихъ школъ, не доказываютъ, конечно, своего предмета: они только въ лучшемъ случаѣ *оправдываютъ разумность вѣры въ Бога*, но это вѣдь еще не доказательство *бытія Бога*. Въ результатѣ существующихъ доказательствъ бытія Божія оправдывается лишь *потребность вѣры* въ Бога, но еще не доказывается *истинность* этой вѣры.

М. Горькій считаетъ религію произведеніемъ народнаго духа. „Все создано народомъ" говоритъ Горькій „и религія тоже". Утвержденіе Горькаго чересчуръ голословно и понять его теорію происхожденія вѣры въ Бога труднѣе всякой другой гипотезы на этотъ счетъ. Вѣра въ Бога есть прежде всего фактъ психической жизни: вѣра присуща душѣ личности, а не только объединеннаго народа и вѣра была всегда съ появленіемъ личности на землѣ. Объяснить фактъ психической жизни можно лишь съ точки зрѣнія психологической, этотъ путь мы считаемъ единственнымъ и для объясненія происхожденія вѣры въ Бога и самой идеи о Богѣ. Интересующіеся вопросами религіи должны поэтому обратить свои взоры къ изученію природы духа Это изученіе можетъ вполнѣ и всесторонне объяснить намъ *идею Бога*, какъ необходимый результатъ психическаго самоопредѣленія человѣческой личности На основаніи данныхъ психологическаго анализа мы можемъ съ полной точностью установить, что идея Бога представляетъ собой не плодъ измышленія человѣка, а вы-

ражаетъ дѣйствительность сверхчувственнаго бытія, выражаетъ самую природу этого бытія, какъ личности. Личность человѣка не можетъ быть объяснена никакими естественными доказательствами, область духа относится къ сверхчувственному міру и достаточно признанія этого особаго сверхчувственнаго міра человѣческой личности для признанія идеи Бога, *ибо личность человѣка можетъ быть понимаема лишь какъ образъ Бога въ условіяхъ вещественнаго міра.*

М. Горькій не даетъ себѣ отчета въ томъ, что надо разумѣть подъ понятіемъ „Богъ“ и у него получается большая путаница. То у него Богъ,—это идеалы человѣка, то народный духъ, то гипнотическая сила толпы. Но сама психологія объединеннаго народа требуетъ для своего пониманія признанія сверхчувственнаго начала, такъ что получается путаница, логическій кругъ, ибо причина объясняется слѣдствіемъ, которое не понятно безъ объясненія причины. Повторяемъ, для объясненія затронутаго вопроса въ повѣсти „Исповѣдь“ М. Горькій долженъ былъ избрать лишь путь психологическій, и исторія тутъ не причемъ. Если бы М. Горькій сталъ на одну точку зрѣнія, то онъ бы долженъ былъ принять, что есть другой міръ кромѣ міра физическаго, и есть другое бытіе, кромѣ бытія условнаго, ибо человѣкъ самъ носитъ въ себѣ это другое бытіе. Такое познаніе съ необходимостью приводитъ къ утвержденію существованія личнаго Бога и разсѣиваетъ всякое религіозное сомнѣніе.

Силу вѣры народа никто не отрицаетъ, но эта сила еще не объясняетъ происхожденія идеи Бога въ человѣкѣ. Мы Бога мыслимъ не только всемогущимъ, а главное—Личностью, и нельзя смѣшивать качество чего бы то и кого бы то нибыло, даже объединеннаго народа—съ личностью. Можно преклоняться предъ силой объединеннаго однимъ настроеніемъ народа, какъ то замѣчаемъ у Горькаго, но эта вѣра въ силы народа еще далеко не можетъ замѣнить намъ вѣры въ Божество, ибо вѣра въ Боже-

ство есть нервъ нашей духовной природы, а не просто измышленіе ума. Въ будущее объединеніе народовъ вѣрятъ и христіане, которые свою надежду выражаютъ словами молитвы: „да пріидетъ царствіе Твое“. Это царствіе Божіе должно по вѣрѣ и христіанъ, наступить на землѣ. когда проповѣдь Евангелія проникнетъ въ сердца всѣхъ людей. Объ этой будущей красивой жизни на землѣ и говоритъ М. Горькій словами своего героя студента Владыкина. Но эта вѣра въ силу народа и его хорошее будущее опять таки не доказываетъ того, что хотѣлъ въ своей повѣсти доказать Горькій, именно, что объединенный народъ есть творецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ: боговъ, можетъ, быть—но не Бога, и „культъ народа“ никогда не сможетъ замѣнить у вѣрующаго человѣка живой вѣры въ личнаго Бога.

Не можетъ удовлетворить насъ и рѣшеніе М. Горькимъ такого важнаго вопроса въ міропониманіи каждаго человѣка—какъ вопроса объ отношеніи личности къ обществу. М. Горькій ставитъ личность человѣка въ отдѣльности въ ничто и только за объединеннымъ народомъ признаетъ право на сознательную, творческую жизнь. Примириться съ такой оцѣнкой своего „я“ человѣкъ никогда не сможетъ, ибо у него есть природная наклонность къ расширенію и обособленію своей личности. Человѣкъ никогда не захочетъ принести въ жертву общественному благу свое личное благо, ибо онъ всегда будетъ себя ставить центромъ міровой жизни, и только такое счастье намъ понятно, когда личность больше всего свободна отъ всякихъ путъ. Общество же съ современными свойствами всегда будетъ налагать на своихъ членовъ извѣстныя ограничивающія обязательства, отсюда развивается борьба между личностью и обществомъ, которая рано или поздно должна кончиться въ пользу автономности личности человѣка. Такъ что рай на землѣ, который сулитъ человѣчеству М. Горькій, мы не считаемъ раемъ, а лишь возможной переходной ступенью въ другой рай, болѣе совершенный,

когда во главу угла жизни будетъ поставлена личность человѣка, достигшая высокой степени всесторонняго развитія: будетъ на землѣ все *для человѣка* и въ тоже время будетъ и общество, но только не мѣшающее цѣльности человѣческаго „я“. Подробно нарисовать жизнь человѣка въ эту отдаленную эпоху его исторіи современный человѣкъ не можетъ, ибо жизнь выработала въ насъ такую психологію, которой могутъ быть понятны вполнѣ лишь явленія окружающей жизни: а о той отдаленной эпохѣ мы можемъ только теоретически разсуждать, пережить же ея психологію мы не можемъ: не можемъ, слѣдовательно, и представить себѣ ее ясно, но логика наша съ необходимостью приводитъ насъ къ признанію этого періода въ безконечномъ развитіи человѣка.